в 1164 г., в Добриловом евангелии, на изображении евангелиста Луки, а также и на многих миниатюрах Симоновой псалтыри конца XIII в.[50] Эту же деталь можно видеть на иконе конца XIII в. Новгородского музея, изображающей Николу с житием на клеймах.[51]

Однако эти два признака, связывая наш памятник с искусством Киевской Руси, встречаются и значительно позже, как архаические отзвуки в произведениях уже другого стиля.

Гораздо существеннее третья яркая особенность исследуемого произведения — обилие лестниц. Они изображены на клеймах 2-м, 3-м, 4-м, 5-м, 6-м и 12-м. Это уже не только «палеографический» признак, но и особый стилистический прием, выражающий стремление к своеобразной пространственной трактовке интерьера.

Игумен Даниил, описывая устройство Сионских комнат в Иерусалиме, в своем «Хождении» (1105—1108 гг.) объясняет, что в одно из помещений нужно было «влести по степеням, яко на горницу». Возможно, что такие ступени — «степени», сравненные Даниилом с устройством русской горницы, на клеймах Николы из Киевца были наблюденною в жизни особенностью архитектуры русских жилищ того времени. Такие лестницы мы видим на миниатюре XIII в. с евангелистом Иоанном Федоровского евангелия в Ярославле, а также на станковых произведениях XIII в.— Введении во храм из Кривецкого погоста (ГРМ, № В/44) и Николе Зарайском из Ростова Великого (ГТГ, № ДР46).[52]

Выше в связи с одним из частных признаков клейм Николы из Киевца, уже упоминались миниатюры Симоновой псалтыри конца XIII в. Между тем стиль миниатюр этого памятника с его достоверной общепринятой датировкой обнаруживает, насколько это возможно для таких различных техник, как книжная иллюстрация и станковая живопись, близость к иконе из Киевца.

Как известно, эта славянская псалтырь (в лист, 27,5 × 20, на 291 лл.), хранящаяся в ГИМе, писана для некоего старца Симона. Изображение деисуса на л. 248 об., где помещен Симон Зилот, а также одно из графити, упоминающее отца Симона, помогли определить принадлежность псалтыри. Еще Амфилохий, сравнивая Хлудовскую славянскую псалтырь с евангелием из Юрьева монастыря 1270 г. (ныне ВБЛ, Р. 105), пришел к выводу, что псалтырь происходит оттуда же, и считал ее писанной в 1280 г. М. В. Щепкина,[53] присоединяясь к Амфилохию, добавляет, что в Спасо-Евфимиев

---

[50] ГИМ, Хлуд., № 3 лл., 52 об., 85, 98 об., 147, 159, 175, 211, 24б, 275 об.

[51] Икону Николы из церкви Бориса и Глеба в Новгороде И. Э. Грабарь датирует концом XIII — началом XIV в. (И. Э. Грабарь. Андрей Рублев. Вопросы реставрации, I. М., 1926, стр. 40, рисунок на стр. 36). В. Н. Лазарев (Искусство Новгорода, стр. 94—95, табл. 99) считает ее исполненной в начале XV в., с чем мы, присоединяясь к мнению И. Э. Грабаря, не можем согласиться. Крест с полулунием встречается и позже: на миниатюре Федоровского евангелия XIII—XIV в., изображающей Иоанна и Прохора; на миниатюрах жития Бориса и Глеба XIV в. Сильвестровского сборника; на миниатюре л. 1 об. так называемого Служебника Антония Римлянина, XIV в. (ГИМ, Патр. 342/605), изображающей Иоанна Златоуста; на фронтисписе Часослова 1423 г. бывш. библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря; на фронтисписе Коневской псалтыри XV в.

[52] Известно также изображение подобных лестниц на миниатюре «Благовещение» греческого евангелия XIII в. из Никомидии, хранившегося в Киеве (Н. И. Петров. Миниатюры и заставки в греческом евангелии XIII в. «Искусство», Киев, 1911, № 3, рис. 9 и 11). В. Н. Лазарев (Искусство Новгорода, стр. 92, табл. 85-а) на основании эпиграфики относит Кривецкое Введение во храм к первой половине XIV в. (см. об этом прим. 27).

[53] Лицевая псалтырь XIII века № 3 из собрания Хлудова (так называемая Симоновская), рукопись. А. И. Некрасов (Возникновение Московского искусства, I. М., 1929, стр. 195—196) относит псалтырь ко второй половине XIV в. и считает ее выполненной